

Нет, есть там какое-то место,
Где кучею свалены мы,
И там до Суда, как известно,
И дурни лежат, и умы.

Там тесно, почти как в трамвае,
Но нету нужды там в еде,
Тепло, ну, примерно как в мае,
Томит всех потребность в труде.

Мужи и девицы все вместе,
В безгрешных телах мы летим,
К былой равнодушны невесте,
Забыли вообще про интим.

На землю глядим то и дело,
Но нам наплевать, как дела
У Трампа и Венесуэлы
И сколько растаяло льда.

Посыпались страшные бомбы,
Моря подступают огня,
Работают мощные помпы,
Людей к нам на небо гоня.

И что же теперь у нас будет?
Куда ты?! Послушай! Не лезь!
Архангелы Бога разбудят.
Но беженцы уже здесь.

Загадят небесную землю!
И вытопчут тихий наш сад!
Вообще, оживить их дешевле:
Валите-ка, братцы, назад!

Господи, мой Боже,
Мне неизвестен цвет глаз
Твоих; может, позже
Они поглядят на нас.
И, зная, что я увиден,
И лучше, чтобы насквозь,
Закричу: не спите!
Видите— началось!
Из телесной пещеры
Куда-то, возможно— ввысь,
Капельки нашей веры
Мелким дождём понеслись.

Да, Конюхов меня, конечно, поразил:
Сквозь шторм десятибалльный— на лодчонке.
И главное, никто ведь не просил,
Чтоб старый выворачивал печёнки.

Теперь он хочет выше стратосфер
Взлететь на шаре, повертеться малость,
Проверить путь, которым, например,
Душа Гагарина когда-то поднималась.

Потом на гору, скажем, Эверест,
А может, и вообще на Джомолунгму!
Что ж, снежный человек его не съест...
А нет бы просто погулять по лугу,

И с удочкой у речки посидеть
(Не будем о рискованной охоте),
И, замерев, тихонько обалдеть:
Ведь время здесь ещё быстрее уходит.

Уважаемый Спаситель,
Подскажи мне, добр будь:
Почему я только зритель
И великой жизни путь
Пролегает как-то мимо
Постаревшего меня?
Катит неостановимо,
И вот этого коня
Даже русская девица,
Даже потушив пожар,
Хоть на миг остановиться
Не заставит. Бренный дар—
Составленьё слов в куплеты—
Не поможет ну ни в чём,
И на набережной Леты
Мы окажемся вечор.
Вьюга злилась, но отстала,
Ворог выглядит как друг.
У загробного портала
Ручку выпущу из рук.
Что-то ждёт нас в этой бездне,
То, чего не сыщешь тут.
Наши жалобные песни
Там уже не подойдут.

● ● ●
Всё ли я как нужно рассмотрел?
Всё ли я ощупал и изведаль?
В сталинградском танке не горел
И с Антониони не обедал.

Сколько от моих неловких рук
Ускользнуло молодых красоток!
Мира я не обогнул вокруг,
Не попробовал и сотой части водок.

Но откуда пасмурный снобизм?
Всё известно мне, и всё мне пресно.
Не хочу я повторять на бис
Путь, где и в начале только бездна.

Идея

Сколько тысяч должно умереть,
Чтобы стала заметной идея,
Дальше нужно ей заматереть,
Обаятельного злодея
Во главе занять. Ведь слабак
Или интеллигент тонконогий
Не сорвут политический банк,
Не найдут через хаос дороги.
Дальше, массами овладев
И скрывая пока что пороки,
Всех мальчишек, а также и дев
Она шлёт на великие стройки.
Всех мужчин превращает в солдат,
Чтоб погибли во славу державы,
Наплодит она множество дат
И объектов немислимой славы.
Лишь когда её сроки пройдут,
Старой власти провиснут вериги,
Её правнуки тихо прочтут
Про идею правдивые книги.

● ● ●
Что вы мне хотите поручить?
Чтобы я своим стихом корявым
Стал бы сырых истине учить,
Подвигать народы к лучшим нравам?

Только, братцы, надобно понять:
Я и сам в сомнениях жестоких.
Чтоб благие роли исполнять,
Вы других зовите—разных, многих,

Кто умеет, кто сподоблен знать,
В чём же польза и каков порядок.
Я же, это надобно признать,
На простое наслажденье падок

От романа или же стиха—
Это выше правды и морали.
К тем душа моя почти глуха,
Зря бумагу ради них марали.

● ● ●
Кажется, отпали все сомнения,
И последний враг роняет щит,
Сквозь все щели хлещет откровение,
Как забор прогнувшийся, мир трещит.

Всё, что есть, теперь живёт по-новому,
Смыслы все и помыслы чисты,
Смерть свелась к событию ерундовому,
И былого мощные пласты

Вывернуты, и на усмотрение
Все дела благого судии.
Он решает, не вступая в прения,
Точки ставя страшные над «и».

● ● ●
Для чего нам снегопад в апреле?
Серый мир теперь ещё серей,
Снег как будто мелют пустомели,
Ветер нервный—видимо, борей.

Всё готово: почки, в них листочки,
Птицы, ветки, кошки, алкаши,—
Чтоб весна в шифоновом платочке
Разгулялась завтра от души.

Почему-то никакого смысла
В этом снеге рыхлом и больном.
Время, отбродив, уже прокисло.
Всё и вся мечтают об одном:

Чтобы лес волшеббно зачирикал,
Чтобы, внутрь себя вобрав метель,
Миллионами стеклянных игл
Засверкала за окошком ель.

● ● ●
Кто меня воззвал из праха,
Вырвал из небытия?
Вот она, моя рубаха,
В ней на свет явился я.
Для чего я год за годом
Существую наяву?

И не стал ведь мореходом,
Через штормы не плыву,
Не летаю на орбиту,
Не работаю врачом.
Всё, что делаю,—для виду,
И о важном ни о чём
Не имею представленья.
Всё, что как-то изучал,
Сожрано огромной ленью.
В чём начало всех начал?
Мне, конечно, интересно,
Только где такой знаток,
Кто исследовал ту бездну
И постиг, каков итог?

● ● ●
Что-то грустно мне сегодня,
В сердце полумрак и дождь.
Воля тёплая Господня,
Ведь не ты меня гнетёшь.

Это кто-то инородный
В дом мой внутренний проник
И, вселяя страх животный,
Сцапал тайный мой дневник.

Водит пальцем по страницам
И копается в словах.
Мне бы надо рассердиться,
Только чую: дело — швах.

Я разложен и разгадан,
Разнесён по полкам я,
И помечен каждый атом
Жалобного бытия.

И на что моя надежда?
Гость — тяжёлый идиот
И, конечно же, невежда —
Ничего не разберёт.

● ● ●
Пылает мой холодный разум.
Не может быть, чтоб просто так,
Благодаря каким-то фразам,
Возник наш мир.

«Да будет мрак!» —
Произнесёт в пылу Создатель,
И наш прекрасный мир прейдёт,
И даже — Боже! — Божья Матерь
И головой не поведёт.

Пусть лучше просто по Ламарку
Всё развивается у нас,
В одну секунду мир насмарку
Не канет от каких-то фраз.
Материя пусть вечной будет,
И жизнь — без Божьего хлыста.
Нас после смерти не осудят...
Но вот куда девать Христа?